

Товарищъ Дозорный

Разсказъ Н. Н.

Мнѣ было тогда двадцать лѣтъ, я жилъ у сестры въ ея орловскомъ имѣніи. Какъ сейчасъ помню, понадобилась мнѣ лишняя полка для книгъ. Сестра сказала:

— Да позови Костина...

Вечеромъ Костинъ пришелъ, взялъ заказъ. Мы разговорились, заинтересовались другъ другомъ и вскорѣ стали какъ бы пріятелями.

Онъ былъ мой ровесникъ. Помимо наслѣдственнаго ремесла, — его покойный отецъ тоже столярничалъ, — онъ имѣлъ еще и другое: самоучкой одолѣвъ грамоту, онъ добился того, что попалъ помощникомъ учителя въ школу, построенную возлѣ церкви моимъ шуриномъ, и даже переселился въ нее, оставивъ мать, старшаго брата и сестру въ избѣ на деревнѣ, такъ какъ уже стыдился мужицкой жизни, а кромѣ того еще и потому, что старшій братъ, человѣкъ хозяйственный, спокойный и здравый, считалъ его круглымъ дуракомъ. И точно, былъ онъ довольно страненъ.

Онъ былъ очень высокъ и миловиденъ, слегка занимался и, какъ многіе зайки, цвѣтъ лица имѣлъ дѣвичій и минутно вспыхивалъ румянцемъ. Робокъ и застѣнчивъ онъ былъ вообще на рѣдкость, больше секунды глядѣть въ глаза собесѣднику никакъ не могъ. Сразу было видно, что онъ живетъ въ какомъ-то своемъ собственномъ мірѣ, что онъ втайнѣ снѣдаемъ необыкновеннымъ самолюбіемъ, страшной обидчивостью и мучительной завистью совершенно ко всему на свѣтѣ, изъ которой проистекало его

другое удивительное свойство: ненасытное, чисто идиотическое любопытство и обезьянство.

Видѣться и говорить съ нимъ было въ сущности томительно. Онъ не говорилъ, а только все спрашивалъ. Вся его рѣчь состояла изъ однихъ настойчивыхъ и подробныхъ разспрашиваній, выпытываній: что, какъ и почему? Онъ съ наслажденіемъ повторялъ всякій отвѣтъ и тотчасъ же ставилъ слѣдующій вопросъ. Держитъ какую-нибудь вещь, взятую для работы, для поправки или уже сработанную и принесенную, внимательно оглядываетъ ее, ощупываетъ, гладитъ своими большими руками — и мучитъ васъ: разспрашиваетъ буквально обо всемъ, чего бы случайно ни коснулся разговоръ, повторяетъ съ удивленной и довольной улыбкой отвѣты и, видимо, даже на мгновеніе не сомнѣвается, нужно это ему знать или не нужно. Притомъ онъ свято вѣрилъ положительно всему, что ни скажи. Я разъ пошутилъ, — въ Америкѣ всѣ внизъ головами ходятъ, даже волосы у всѣхъ висятъ: онъ съ удовольствіемъ изумился, повторилъ и повѣрилъ. Вообще шутокъ онъ не понималъ и не чувствовалъ совершенно.

И съ утра до вечера, каждую свободную минуту, онъ чему-нибудь учился, неустанно обезьянничалъ: что ни увидитъ, что ни узнаетъ, всему учится, всему подражаетъ и всегда безталанно, хотя и довольно точно. Чего только не умѣлъ онъ! Поправлялъ часы и гармоньи, мой велосипедъ и лавочниковъ аристонъ, переплеталъ книги и налаживалъ перепелиныя дудки, на жилийкахъ тайкомъ учился играть и стихи писалъ... Всего и не вспомнишь.

Конечно, онъ не пилъ, не курилъ, — тутъ его обезьянство уступало той женственности, которая отличала его натуру и, встать сказать, производила впечатлѣніе довольно таки непріятное; одѣвался со скромной порядностью, — тонкіе сапоги, пиджачекъ, вышитая косоворотка, новенькій картузь, — и даже носовой платокъ носилъ съ собой. Въ рукахъ неизмѣнно желѣзный костыликъ.

Школа стояла рядомъ съ церковной караулкой. Въ большіе праздники мужики, приходившіе къ обѣднѣ, дожидались службы, курили и вели оживленные бесѣды всегда въ караулкѣ. Костинъ являлся туда раньше всѣхъ и внимательно слушалъ все, что говорилось, самъ однако въ разговоръ не вступая, сидя въ сторонкѣ, внимательно что-нибудь разглядывая, — скалку, утюгъ, зазубренный топоръ, — и тая на губахъ чуть замѣтную довольную усмѣшку надъ мужицкой глупостью и болтливостью.

Я часто заходилъ къ нему по вечерамъ: всегда дома и всегда что-нибудь прилежно работаетъ. Горитъ тусклая лампочка на столѣ, а онъ сидитъ, гнется возлѣ нея. Косоворотка навывпускъ, подпоясана шелковымъ жгутомъ съ мохрами. Лицо чистое, худощавое, но круглое, глаза съ блесомъ зеленью, свѣтложелтые волосы, примасленные и причесанные на косой рядъ, падаютъ прядью на лобъ. Увидя меня, дружелюбно оживляется и тотчасъ же, слегка заикаясь и избѣгая глядѣть въ глаза, пускается въ разспросы. Иногда вынимаетъ изъ стола тетрадку и подаетъ мнѣ:

— Есть новенькіе. Прочтите и обкритикуйте.

Я развертываю и читаю:

Рѣзвая струя въ лугахъ бѣжитъ,
Есть у нея удачное названье,
Какъ только пловца заманитъ,
А онъ погибнетъ безъ сознанья...

— Это онятъ акростихъ?

— Акростихъ. Выходить: ррѣка. Только, конечно, ятъ нельзя вставить...

Хорошо помню, какъ я зашелъ къ нему въ послѣдній разъ.

Была поздняя осень, роковые дни для него и для меня — вотъ-вотъ надо было ѣхать въ городъ, ставиться въ солдаты. Наступила Казанская, оставалась всего недѣля

нашей свободы. Утромъ, чѣмъ свѣтъ, я, помню, пошелъ къ обѣднѣ, зашелъ въ караулку; еще горитъ лампочка, караулка полнымъ полна расцвѣченными дѣвками, бабами, мужиками и накурена, какъ овинъ; мужики галдятъ, а бабы и дѣвки все поглядываютъ на нары подъ полатами, шепчутся и покатываются со смѣху, валяются другъ на друга; предметъ смѣха — обычный: Костинъ; онъ-же сидитъ, опутивъ глаза, и что-то разглядываетъ; на головѣ высокая шалка сѣраго барашка, на сапогахъ новыя глубокія калоши, одѣтъ въ новую теплую поддевку чернаго сукна, лицо алое отъ обиды, но на губахъ улыбочка... А вечеромъ я побрелъ къ нему въ школу. Грязь была страшная, тьма хоть глазъ выколи. Сверху сыпалась и сыпалась мельчайшая мга. Я шелъ черезъ садъ какъ слѣпой, чувствуя только одно — тьму, осеннее тепло, теплую душистую гниль мокрыхъ деревьевъ, ихъ коры, и щекочущую влажную пыль на лицѣ. Наконецъ заблѣлѣлъ туманный огонекъ впереди — знакомая лампочка на столѣ возлѣ окна въ школѣ — одинокій, единственнѣйшій свѣтъ во всемъ селѣ, уже давно спящемъ мертвымъ сномъ. Костинъ спокойно сидѣлъ за работой — съ явнымъ удовольствіемъ оклеивалъ тонкими пластинками фанеры чью-то шашечную доску. А на его работу тупо и странно-весело, блестящими кофейными глазами, смотрѣла сидѣвшая за партой возлѣ стѣны небольшая бабочка съ кудряшками на крутомъ лбѣ, молодая жена церковнаго сторожа, — совсѣмъ бы ничего себѣ бабочка, если бы не ничтожный носикъ съ заячьими маленькими ноздрями. Мнѣ было не по себѣ, и я тотчасъ-же, притворяясь небрежнымъ и шутивымъ, заговорилъ о томъ, что меня томило, — о поѣздкѣ въ городъ. Но, къ крайнему моему удивленію, Костинъ совершенно не раздѣлилъ моихъ чувствъ: напротивъ, его эта поѣздка очень интересовала и потому радовала.

— Ахъ, нѣтъ, — сказалъ онъ, съ увлеченіемъ продолжая работать и отъ этого почти не заикаясь: — я бы,

кажется, проситься стать, если бы меня не взяли. Надѣюсь непременно попасть въ Царство Польское. Два шага до Парижа!

И вдругъ прибавилъ, кивая головой на свою молчаливую и все только тупо улыбающуюся гостью:

— Вотъ она, по глупости, тоже оплакиваетъ меня. Говорить, — влюбилась, А съ какой стороны она можетъ быть мнѣ интересна?

Гостя страшно покраснѣла, смутилась и трогательно-неловко отвѣтила:

— Ужъ хоть-бы не брехалъ-то! Даже ты мнѣ надобенъ! Онъ только небрежно усмѣхнулся.

Черезъ недѣлю мы поѣхали съ нимъ ночью на станцію, къ шестичасовому поѣзду. Я взялъ его къ себѣ въ тарантасъ. Онъ всю дорогу неспѣша спрашивалъ меня на счетъ военной службы въ другихъ странахъ, а тарантасъ качался и качался въ темнотѣ и туманѣ, невидимыя лошади шлепали по лужамъ, оступались въ колдобины, полныя воды и грязи. Передъ станціей стало трудно и угрюмо свѣтать, стали приближаться, обозначаться мутныя холодныя деревья въ станціонномъ дворѣ... Помню, долго ждали поѣзда, наконецъ показался вдаль, въ мертвенно-блѣдномъ разсвѣтномъ туманѣ, бѣлый, тяжело и густо клубящийся дымъ, потомъ черный паровозъ, медленно выплывающій изъ мглистаго моря осеннихъ полей... И еще почему-то помню: рядомъ съ тѣмъ вагономъ, въ который мы сѣли, былъ арестанскій вагонъ съ желѣзными рѣшетками въ квадратныхъ окошечкахъ, и возлѣ одного окошечка стоялъ, держась за рѣшетку руками въ кандалахъ, худой старикъ въ пенснэ на горбатомъ носу, съ красными вѣками; и очень страннымъ казалось это пенснэ въ соединеніи съ каторжной фуражкой, съ сѣрымъ блиномъ безъ козырька...

А въ городѣ было великое множество деревенскаго народа, съ громкимъ и озабоченнымъ говоромъ идущаго серединой улицы, возлѣ же земской управы, гдѣ шелъ

пріемъ, весь день стояла густая толпа, и чего только въ этой толпѣ не было! Плачь, вой, причитанія, крики годныхъ, буйно и отчаянно дерущихъ свои гармони, — вся та дикая и жуткая балаганщина, въ которую русский человѣкъ съ наслажденіемъ облекаетъ свое горе, всячески разжигая его въ себѣ. А въ пріемной залѣ отъ самой входной двери, которая поминутно отворялась, въ которую несло ледяной сыростью, и до самаго присутственнаго стола, откуда раздавался необыкновенно звучный выкликающій голосъ воинскаго начальника, тянулась страшная шеренга голыхъ тѣлъ, — коротконогихъ, худыхъ (но неизмѣнно пузатыхъ), мѣловыхъ, съ коричневой сыпью отъ укусовъ таракановъ на кострецахъ, тамъ, гдѣ у каждаго на тѣлѣ была полоса отъ постоянно врѣзающейся оборки портокъ. Мы съ Костинымъ пробрались впередъ и тоже стали раздѣваться. Воинскій начальникъ, стоявшій за столомъ, въ кругу присутствія, передъ серебряной пирамидкой съ распятіемъ, быстро взглянулъ на меня и что-то крикнулъ особенно звучно. Онъ былъ молодъ, красивъ, затянута въ мундиръ, преисполненъ энергіи; короткіе волосы его курчавились, длинные кудрявые усы торчали, свѣтлые глаза зоркимъ огнемъ освѣщали лицо. Костинъ, сидя и стягивая съ себя сапоги, замеръ и, весь алый отъ натуги и волненія, радостнымъ шепотомъ спросилъ меня:

— Онъ ссамый главный и есть?

Черезъ часъ его забрили. А черезъ полмѣсяца мы съ нимъ разстались — и очень надолго, на цѣлыхъ двадцать лѣтъ. Встрѣтились-же снова слѣдующимъ образомъ:

Была осень девятнадцатаго года. Наша армія только что оставила К. Я по нѣкоторымъ причинамъ задержался на нѣкоторое время, скрываясь всеми правдами и неправдами подъ видомъ самаго дряннаго мужиченка. А городъ уже наполнялся большевицкими властями и учрежденіями, вступавшими войсками и обозами, и чекисты, во главѣ съ какимъ-то товарищемъ Дозорнымъ, уже работали не

покладая рукъ. Въ ледяной солнечный день я шелъ однажды на главную улицу. Прошелъ мимо собора, глядя на голый городской садъ, чернѣвшій напротивъ него, потомъ пошелъ по тротуару вдоль бывшихъ присутственныхъ мѣстъ, увѣшанныхъ красными флагами. Передъ этими присутственными мѣстами тянется площадь и идетъ дорога подъ гору, къ мосту черезъ рѣчку. И вотъ, въ ту минуту, когда я только что поравнялся съ подъѣздомъ бывшей судебной палаты, изъ подъ горы вырвался и полнымъ махомъ понесся прямо на меня небольшой конный отрядъ, а за нимъ—длинный могучій сѣрый автомобиль. Все это появилось такъ неожиданно и очутилось возлѣ подъѣзда такъ мгновенно, что я невольно приостановился. Изъ машины-же межъ тѣмъ уже выскакивалъ высокій человекъ въ бѣлой шапкѣ, въ чудесной офицерской поддевкѣ съ бѣлымъ барашковымъ воротникомъ и необыкновенно щегольскихъ офицерскихъ сапогахъ. Блѣдное кошачье лицо его съ желтыми усами было оживлено быстрой ѣздой, бѣлесые глаза расширены. Онъ глянулъ — и бѣгомъ кинулся ко мнѣ.

— Николай Николаевичъ, вы? — слегка задохнувшись, быстро спросилъ онъ меня и до глазъ залился алымъ румянцемъ.

И, не давъ мнѣ отвѣтить и мучительно заикнувшись, прибавилъ:

— Яя Костинъ-Дозорный.. И ннаслышанъ про васъ... Такъ что ужъ — простите!

И обернувшись къ двумъ башкирамъ, съ винтовками въ рукахъ сидѣвшимъ въ машинѣ, крикнулъ, сбѣгая въ подъѣздъ:

— Въ ссадъ!

Меня скорымъ шагомъ, даже не обыскавъ, провели черезъ площадь въ садъ, а черезъ садъ — къ обрыву надъ рѣчными оврагами и крикнули:

— Задомъ къ рѣчкѣ!

Я сталъ и, мгновенно выхвативъ револьверъ изъ кармана зипуна, въ упоръ ударилъ въ нагайскую рожу, стоящую слѣва, и тотчасъ-же задомъ упалъ съ обрыва. Вторая рожка выстрѣлила по мнѣ, потомъ сдуру кинулась назадъ, за подмогой. Я сломалъ себѣ руку, а все таки ушелъ.

Ив. Бунинъ

8 июня 1924 г.
Приморскія Альпы.

Красный генераль

Рассказ Н. Н.

Одна изъ вечернихъ прогулокъ...

Ясный апрѣльскій закатъ, низкое чистое солнце, еще не набитый сѣрый проселокъ, весенняя нагота полей, впереди еще голый зеленоватый лѣсъ. Ёду на него, — куда глаза глядятъ, — спокойно и распущенно сидя въ сѣдлѣ.

Отъ перекрестка беру къ лѣсу цѣликомъ, по широкой межѣ, по грани среди жнивья. Она вся зеленая, но еще по весеннему мягкая, — чувствуется, какъ вдавливается въ нее копыто. А возлѣ лѣса, на жнивья подъ опушкой, еще тянется длинный островокъ нечистаго и затвердѣвшаго снѣга. И ярко-голубые подснежники, — самый прелестный, самый милый въ мѣрѣ цвѣтокъ, — пробиваются изъ коричневой, внизу гнѣющей, влажной, а сверху сухой листвы, густо покрывающей опушку. Листва шумно шуршитъ подъ копытами, когда я въѣзжаю въ лѣсъ, и нѣтъ ничего радостнѣе этого напоминанія о прошлой осени въ соединеніи съ чувствомъ весны.

Шуршитъ и лѣсная дорога, — она тоже вся подъ листвою, — и далеко слышно это шуршанье по лѣсу, еще сквозному, раскрытому, а все таки уже не зимнему. Лѣсъ молчитъ, но это молчаніе не прежнее, а живое, ждущее. Солнце сѣло, но вечеръ свѣтлый, долгій. И Тамара чувствуетъ всю эту весеннюю прелесть не меньше меня, — она идетъ особенно легко, поднимая шею и глядя впередъ, въ далеко видную и еще просторную сѣроватую чащу стволовъ, кругами идущихъ намъ навстрѣчу, выглядывающихъ другъ изъ-за друга. Внезапно, какъ колъ,

свалилась со старой осины передъ нами мохнатая совка, плавно метнулась и съ размаху съла на березовый пенъ, — просыпаясь, дернула ушастой головкой и уже зрячимъ окомъ глянула кругомъ: здравствуй, молъ, лѣсъ, здравствуй, вечеръ, даже и я теперь не та, что прежде, готова къ веснѣ и любви! И какъ бы одобряя ее, на весь лѣсъ раскатился гдѣ-то близко торжествующимъ цоканьемъ и трескомъ соловей. А подъ старыми березами, сквозящими своей кружевной наготой на сѣроватомъ, но легкомъ и глубокомъ вечернемъ небѣ, уже торчатъ тугія и острыя глянцевито-темнозеленыя трубки ландышей.

Перебъжая низы, смотрю вправо, вдоль оврага, густо заросшаго грифельнымъ безлиственнымъ осинникомъ, — тамъ за лѣсомъ нѣжно, слабо разлился погожій закатъ. По дну оврага, среди темной чащи, среди подежда орѣшниковъ, падаетъ съ уступа на уступъ, журчитъ и холодно булькаетъ еще не изсякшій паводокъ. Самый вальдшнепинный притонъ этотъ оврагъ! Потомъ, все такъ-же шумно нарушая весеннюю тишину лѣса шуршаніемъ копытъ въ листьѣ, поднимаюсь по лѣсной дорогѣ въ гору, по глубокимъ глинистымъ колеямъ, промытымъ половодьемъ. Потомъ ѣду по широкимъ полянамъ, гдѣ стоятъ, красуются, въ отдаленіи другъ отъ друга, вѣковые вѣтвистые дубы.

Широчайшая плотина лежитъ между двумя великолѣпными прудами, молчаливо отражающими въ своихъ зеркалахъ эти дубы и вечернее небо. А за прудами начинается громадное пепелище Дубровки, — запущенные остатки безконечнаго фруктоваго сада, разрушенныхъ службъ, отъ которыхъ мѣстами уцѣлѣли только груды кирпичей, заросшихъ бурьяномъ, — и на половину вырубленная аллея столѣтнихъ тополей ведетъ на обширный дворъ. Прежде cadaго ѣдущаго по этой аллеѣ издали встрѣчалъ страшный, гремящій по всему окрестному лѣсу лай знаменитыхъ дубровскихъ овчарокъ. Теперь я ѣду среди мертвой тишины. Направо и налево — все яблони

и яблоки, старья, раскидистья, приземистья. Венера на свѣтломъ западѣ такъ великолѣпна, что на землѣ подъ яблонями отъ нея серебрится. И бѣлѣть впереди, на пустынномъ дворѣ, небольшой домикъ подъ тесовой крышей: это прежняя господская контора, въ которой и живетъ теперь наследникъ Дубровки.

Дворъ передъ конторой переходитъ прямо въ поле, сливается съ равниной, за которой прозрачно алѣетъ на горизонтѣ луна. И хозяинъ стоитъ на крыльцѣ, мурить и исподлобья смотреть на нее. Приподнявъ картузъ, я хочу повернуть въ поле, но завидѣвъ меня, онъ поднимаетъ руку :

— Halte! Штрафъ за проѣздъ черезъ чужія владѣнія! Стаканъ чаю !

Дѣлать нечего, — притворно улыбаясь, придерживаю Тамару, отъ чаю отказываюсь, но все таки слѣзаю съ сѣдла, и Тамара идетъ по двору къ водопойному корыту, а мы направляемся навстрѣчу другъ другу.

— Bonsoir, mon cher voisin, comment allez-vous? — говорить хозяинъ. — Une petite promenade? Вотъ и я тоже, — стою и люблюсь красотами природы, какъ Марій на развалинахъ Карфагена...

Ему лѣтъ тридцать, онъ очень худъ, темень лицомъ, давно небритъ, у него стоячіе черно-агатовые глаза и страшно черная (коротко стриженная) голова подъ военнымъ картузомъ безъ кокарды. Онъ въ старыхъ валенкахъ, въ рейгузахъ и въ длинномъ сѣромъ пиджакѣ поверхъ грязной косоворотки. И онъ крѣпко жметъ мнѣ руку и ведетъ меня въ домъ, говоря, что самоваръ все равно готовъ и что онъ сейчасъ прикажетъ дать корму Тамарѣ.

— А вы хоть папиросу выкурите, — говоритъ онъ, — я, откровенно сказать, погибаю отъ скуки... Je ne sais pas comment je ne suis pas mort encore среди этой пастушеской идилліи...

Темныя сѣни отдѣляютъ бывшую контору отъ кухни. Дверь кухни открыта и видно, что кухня полна дыма.

Барышня лѣтъ пятнадцати, съ двумя свѣтлыми жидкими косами на спинѣ, въ легкомъ ситцевомъ халатикѣ и стоптанныхъ мужскихъ туфляхъ, надѣваетъ трубу на самоваръ, изъ котораго и валитъ этотъ дымъ, необыкновенно густыми палевыми клубами.

— Vite, vite, Berthel! — кричитъ хозяинъ и вводитъ меня въ комнаты, безъ умолку продолжая говорить:

— C'est la fille de ma femme... то есть бывшей, конечно.. Вы у меня тысячу лѣтъ не были, но, разумѣется, всю эту исторію отъ досужихъ сосѣдей уже слышали... Эту дѣвицу моя благовѣрная прикинула мнѣ въ наслѣдство... Dame! Я ничуть не въ претензіи, — прекрасной компенсаціей служить то, что мудрый нѣмецкій Богъ надоумилъ таки ее, наконецъ, сбѣжать отъ меня. Вы вѣдь знаете, болѣе нелѣпой женитьбы, чѣмъ моя, самъ Мефистофель не могъ бы придумать... Чортъ знаетъ, гдѣ, — въ какомъ-то Ревелѣ, — чортъ знаетъ, почему... Vrai, je ne sais pas comment cela m'est arrivé... Попалъ въ циркъ, увидалъ рыжую наѣздницу, — и, замѣтьте, далеко не первой молодости, — и черезъ недѣлю женатъ... Глупо до восхищенія, до *pas plus ultra!*

Комнатъ всего двѣ, — «salon» и «chambre à coucher», какъ иронически говоритъ хозяинъ, вводя меня и извиняясь за ихъ «лирическій безпорядокъ». «Салонъ» раздѣленъ деревянной перегородкой, за которой живетъ барышня. Въ спальнѣ большая, не по комнатѣ, кровать краснаго дерева, покрытая мѣщанскимъ одѣяломъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутовъ, на одѣялѣ валяется бала-лайка. Въ «салонѣ» стопудовый кожаный диванъ, изъ котораго торчатъ клоки мочалы и горбами выпираютъ пружины, въ простѣнкѣ дивное овальное зеркало, а подъ зеркаломъ — грузный письменный столъ, на зеленомъ сукнѣ котораго стоитъ недопитый стаканъ молока и лежатъ огрызки сѣрыхъ лепешекъ, счеты, махорка въ надорванномъ пакетикѣ и ржавая конская подкова. Въ комнатахъ сумерки, — окна ихъ глядятъ на востокъ, въ

поле. Входимъ, садимся, — хозяинъ въ кресло возлѣ стола, а я на диванѣ, — и принимаемся вертѣть папиросы. Выдумывать разговора не надо, — хозяинъ ни на минуту не прекращаетъ своей отрывистой скороговорки:

— Не хотите ли свернуть изъ моего антрацита? Впрочемъ, не неволю, это, знаете, дѣйствительно, на любителя! *C'est affreux*, но что-же дѣлать? А я, какъ видите, во всей усадьбѣ соло. Распустилъ кабинетъ! Остался одинъ работникъ, — анекдотическій болванъ! Вообразилъ себя моимъ закадычнымъ другомъ и по сему случаю пьянствуетъ безъ просыпу. Вотъ и сейчасъ дрыхнетъ и, угадайте, гдѣ? Вотъ за этой перегородкой! Терплю, — времена демократическія! А все таки и его придется прогнать. И вообще—охъ ужъ мнѣ эти милые поселяне! Право, они только въ опереткахъ хороши. Я съ ними росъ, я самъ, можно сказать, на половицу хамъ, полукровокъ, — вѣдь, какъ изволите знать, та раучка мѣне была всего на всего бѣглая дворовая дѣвка, — но, позвольте спросить, что у меня съ ними общаго? Хозяйство? Но какое къ чорту хозяйство при такомъ бамбуковомъ положеніи? Кромѣ того лично для меня это совершенно сто двадцать пять буквъ китайской грамоты! Вы скажете, зачѣмъ-же я въ такомъ случаѣ сижу на этомъ Чортовомъ Островѣ, почему не продолжаю служить? Но какъ служить, не имѣя средствъ? Быть въ полку паріемъ? — Да, но позвольте! Про лошадь-то вашу мы совсѣмъ забыли! Надо приказать дать ей корму...

Я знаю, что корму нѣту, — есть только гнилая солома, которую Тамара все равно не станетъ ѣсть, — и мнѣ уже очень хочется уѣхать. Я благодарю хозяина за радушіе и прошу прощенія, говорю, что, къ сожалѣнію, долженъ сейчасъ съ нимъ проститься, что не стоить беспокоиться, что я далъ слово быть къ ужину дома. Но онъ не слушаетъ, проситъ выкурить еще одну папиросу и, забывъ о кормѣ, опять пускается въ бесѣду. И я опять курю и опять слу-

шаю, какъ вдругъ онъ снова тревожно вспоминаетъ о Тамарѣ :

— Да иѣтъ, какъ хотите, а ей надо хоть клочекъ соломы бросить! Митька! Ты тутъ? — кричитъ онъ, оборачиваясь къ перегородкѣ.

Изъ-за перегородки слышенъ сонный, медлительный голосъ:

— Ту-та. Я ля-жу.

— Вставай, поди уברי лошадь, — гость пріѣхаль.

— Я пья-най...

— Я тебѣ говорю, вставай!

— Вин-ца прежде да-ай...

— Каково ископаемое? — говоритъ хозяинъ съ торжествующей усмѣшкой, и кричитъ въ сѣни, въ открытую дверь:

— Berthe, дай Митькѣ стаканъ водни! А васъ, mon cher voisin, покорнѣйше прошу полюбоваться на это животное!

И онъ встаетъ и широко открываетъ створчатыя двери перегородки. Я заглядываю: за перегородкой свѣтлѣе, тамъ окошечко выходитъ на западь, и хорошо видно лежащаго внизъ лицомъ на желѣзной кровати малаго съ бѣлыми волосами, съ большимъ мягкимъ задомъ, въ новой розовой смятой рубахѣ, подпоясанной почти подъ мыпки зеленымъ пояскомъ.

— Полюбуйтесь! — говоритъ хозяинъ. — Какого вамъ еще больше равенства?

А по салону, нагнувъ голову, не глядя на меня, быстро проходитъ къ шкапчику барышня, очевидно, за водкой. Тогда я говорю хозяину уже совсѣмъ рѣшительно:

— Нѣтъ, дорогой, оставьте его въ покоѣ. Я все равно долженъ сейчасъ ѣхать. Простите, пожалуйста, пріѣду, если позволите, въ другой разъ...

И хозяинъ наконецъ сдается:

— Allons, bon! Не хочу разыгрывать дьянову уху! Но пройдемся хоть по саду. Скука въ эти безконечные вечера, повторяю, адова!

И мы выходимъ изъ дому, обходимъ его и идемъ по широкой дорожкѣ между яблонями на тонкій свѣтъ позеленѣвшаго заката и на низкую играющую розовымъ огнемъ Венеру. Хозяинъ разглядываетъ мой високъ и усмѣхается:

— Однако, мы съ вами конкурируемъ въ сѣдинѣ! Ну да не бѣда, сѣдые бобры дороже! Вотъ развѣ женскій вопросъ... Впрочемъ тутъ Елена Прекрасныхъ мало. Какая пибудь «идейная» сельская учительница? Сбитые каблукки, потныя отъ застѣчивости руки... Вообще, не выношу провинціальныхъ дѣвицъ! И фразы-то у нихъ у всѣхъ трафаретныя: «Ну какъ вамъ понравился нашъ городъ? Видѣли наши достопримѣчательности?» — Есть, впрочемъ, здѣсь одна въ моемъ жанрѣ — и, вообразите, кто? — дочь становаго! Ножка узенькан, прелестныя сильныя икры, въ глазахъ этакое кашэ... *Je lui plais, j'en suis certain... Je parie qu'elle tomberait volontiers dans mes bras*, если, конечно, повести правильную осаду... *C'est une affaire de huit jours...* Я вамъ покажу ее, если скоропостижно не сбѣгу въ Петербургъ, заложивъ чорту хотя бы душу. На меня напала здѣсь форменный страхъ смерти, а вѣдь вы знаете, что у меня порокъ сердца, острая неврастенія и прочая, прочая... Въ Петербургѣ, если и подохнешь внезапно, все легче. Я уже завѣщаль похоронить меня непременно на Балтійскомъ вокзалѣ. Если бы вы знали, сколько воспоминаній связано у меня съ этимъ вокзаломъ!

Темнѣетъ. Венера переливается на горизонтѣ за темной равниной уже пурпурнымъ огнемъ. Слабо обозначаются тѣни подъ яблонями, — луна за домомъ уже свѣтитъ, — и уже совсѣмъ свѣжо пахнетъ весенней землей. Вдали столеть пустушка, — стонетъ грустно, нѣжно и звонко, — хорошо ей въ свѣжести и тишинѣ апрѣльской ночи въ

этомъ старомъ фруктовомъ саду, выходящимъ прямо въ поле! А хозяйинъ говорить, говорить:

— Теперь единственная радость мой жизни — мой еще не законченный романъ, начавшійся годъ тому назадъ въ Царскомъ Селѣ... Ахъ, если бы вы знали, что это за женщина! Она замужемъ за нашимъ полковымъ командиромъ... Такой милый стариканъ, прелесть! Недавно переведенъ въ Литовскій полкъ, въ Нарву... Она мнѣ часто говоритъ: «*Ah! si mon mari mourait! Que j'aimerais passer avec toi toute une nuit, m'endormir dans tes bras et me reveiller le lendemain sous tes baisers!*» — Я зналъ еще ея отца, дѣйствительный статскій совѣтникъ, но не симпатичный, сухой человекъ! Мы съ ней переписываемся. Достаточно одной телеграммы — и она мгновенно будетъ тутъ. Но вы сами понимаете — могу ли я вызывать ее сюда, въ эту хижину дяди Тома!

Мы возвращаемся во дворъ и медленно идемъ къ Тamarѣ. Уже лунная ночь, уже луна поднялась надъ полемъ, и Тамара въ ея свѣтѣ стоитъ вдали чернымъ силуэтомъ, а подушка сѣдла, торчащаго на Тamarѣ, блеститъ.

— Сколько оно крови мнѣ перепортила, ужасъ! — говоритъ хозяйинъ съ восторгомъ. — Но зато сколько блаженныхъ минутъ! Отдалась безумно, дерзко. Однажды, понимаете, у нихъ званый вечеръ, я приѣзжаю раньше всѣхъ, даже еще и мужа нѣтъ, она одна въ пустой гостиной — и... *Elle ne songeait même pas qu'elle était en toilette qui risquait de se froisser...* Сразу, понимаете: «*Je t'aime! Fais de moi ce que tu veux! Je me moque de tout!*» Вообще, чортъ знаетъ что, звѣриная страсть! А потомъ, конечно, сцены: «*Tu ne m'estimes plus, je me suis donnée à toi trop spontanément!*» — и бѣссильная ревность, хватанье за руки: «*Tu es à moi, n'est-ce pas, n'est-ce pas?*»

Тамара повернула голову при нашемъ приближеніи и тихонько радостно заржала, — очень соскучилась. И пожалъ хозяйину руку, сѣлъ и, обернувшись, помахалъ

ему картузомъ. Онъ порывисто, послѣнно затрясъ поднятой рукой. И Тамара сразу взяла полной рысью, прямо на луку, на свѣтлое поле, четко дробя копытами въ чистомъ и свѣжемъ воздухѣ...

Богъ мой, какимъ далекимъ кажется мнѣ теперь этотъ весенній вечеръ! Я вспоминаю его съ разительной живостью, стоя подъ зимнимъ дождемъ на константинопольской улицѣ и предлагая проходящимъ купить «Общее Дѣло». Въ этомъ «Общемъ Дѣлѣ» я недавно прочелъ о большихъ успѣхахъ по службѣ нѣкоего «бывшаго царскаго офицера», а сынъ краснаго генерала, моего «дорогого сосѣда» изъ Дубровки.

Ив. Бунинъ.

13 іюня 1924 г.
Приморскія Альпы.